

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ

БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

(МАРКО ВОВЧОК в Александровском)

Все, кто проходит по улице Калинина в селе Александровском мимо старинного дома, а котором размещается одно из учреждений районного центра, невольно останавливаются перед бело-мраморной доской, на которой золотыми буквами высечено:

В этом доме в 1904—1906 годах жила талантливая украинская и русская революционно-демократическая писательница МАРКО ВОВЧОК (22.XII. 1833 – 10. VIII. 1907)

При чтении этих строк каждый невольно уносится мыслями в далекое прошлое, когда вот здесь на склоне своих лет жила и продолжала литературную деятельность знаменитая писательница, чьими произведениями восхищались корифеи отечественной литературы и зачитывалась передовая интеллигенция России.

Мысли и чувства прогрессивной интеллигенции 60-х годов прошлого столетия, когда на арену литературно-общественной борьбы вышла молодая талантливая писательница, ярко выразил П. А. Кропоткин: «В те годы, когда величайшим вопросом для России было: будут ли освобождены крестьяне и когда все лучшие силы страны требовались для борьбы за освобождение,— в те годы вся образованная Россия упивалась повестями Марко Вовчок и рыдала над судьбой ее героинь-крестьянок... В них чувствовалось горячее биение любящего сердца; в них разлита истинная поэзия; в них чувствуется веяние глубоко поэтической украинской народной жизни, поэтических песен Украины» (П. Кропоткин. Идеалы и действительность в

русской литературе, стр. 244, 1907 г.).

Писательница до конца жизни оставалась верной своим революционно-демократическим убеждениям, но литературную деятельность в силу многих причин она прекратила на целых 20 лет.

Пятнадцать лет Марко Вовчок прожила на Северном Кавказе, из них семь лет в селе Александровском, в то время административном центре уезда. Приехала она сюда со своим вторым мужем Михаилом Демьяновичем Лобач-Жученко, назначенным земским начальником 2-го участка Александровского уезда.

Вот как описывает приезд матери сюда старший сын писательницы Богдан Афанасьевич Маркович: «Мария Александровна приехала в Александровское перед пасхой 1899 года. Погода была теплой, мягкая сочная травка молодой степи пестрела тюльпанами, с горной стороны зеленели довольно высокие цепи холмов и гор. И жилище, уже нанятое Михаилом Демьяновичем на хуторе в версте от села, понравилось своим большим фруктовым садом и прудиком около небольшой водяной мельницы. Казалось, что после пережитых тяжелых испытаний судьбы здесь опять создались благоприятные условия для жизни Марии Александровны, притом же новая обстановка не обязывала ее никакими знакомствами с уездным обществом» (Б. Маркович. Марко Вовчок на Кавказе. Ставрополь, 1913 г.).

Следует сказать, что до самого последнего времени факты жизни и деятельности писательницы-демократки в селе Александровском оставались «белым пятном» в ее биографии. В первый год своего пребывания здесь супруги Лобач-

Жученко жили в домике около пруда в версте от села (кстати сказать, домик этот не сохранился, и село за 60 с лишним лет ушло далеко за пределы хуторка), принадлежащем, как это установлено совсем недавно внуком писательницы Б. Б. Лобач-Жученко, отставному казачьему офицеру Архипову, знакомому Михаила Демьяновича по его прежней (до 1885 года) службе в Ставрополе.

В 1900 году Лобач-Жученко поселились в самом селе, в большом доме по Дворянской (ныне Комсомольской) улице. Здесь находилась и канцелярия земского начальника. Прожили они в этом доме до весны 1904 года, потом перешли в дом, купленный на сбережения и деньги, полученные от продажи домика в Саратове, откуда они и приехали в Александровское.

Живя здесь, Марко Вовчок остается по-прежнему верной слову «Уйти от всех», которое она дала себе после неприятностей, пережитых ею в Петербурге в 70-х годах, покинув навсегда город, с которым связано было у нее так много и светлого, и мрачного...

Изредка ее навещают сыновья — старший Богдан и младший Борис.

Сын последнего Борис Борисович Лобач-Жученко писал автору этих строк: «Я помню бабушку по одному лету, проведенному в Александровском, вероятно, в 1903 году. Сквозь дымку многих десятков лет возникает образ полной старухи с властным взглядом больших красивых глаз. Помню, что она была уже больна, и мы, дети, боялись шуметь и вообще боялись ее.

Дом своей верандой выходил во фруктовый сад, а другой стороной, со стеклянной галереей — во двор, где были каретный сарай и конюшня. По двору гуляли индюки, которых мы, дети, очень боялись. Посреди двора стояла брочка (а может быть, тарантас) — любимое место наших игр. Тарантас изображал и поезд, и пароход, и самого себя. Во двор бабушка заглядывала редко, и мы там чувствовали себя лучше, чем в саду, где нас окружали соблазны — недозревшие груши и яблоки».

В другом письме Борис Борисович уточнил: «Могу совершенно точно сообщить, что это было во второй половине лета (поспевали фрукты) 1903 года, после нашего приезда с Дальнего Востока».

В то время Марии Александровне было около 70 лет.

Несмотря на преклонный возраст и периодически повторявшиеся длительные приступы сердечной болезни, она возобновила прерванную 20 лет назад литературную работу и с увлечением отдалась общественной деятельности.

Стимулом к этому, вероятно, послужил весьма интересный факт, совсем недавно открытый нашим литературоведением, свидетельствующий о том, что имя соратницы Добролюбова, Писарева, Герцена, Салтыкова-Щедрина и Чернышевского не было забыто на рубеже веков. 10 марта 1899 года временный секретарь Общества любителей российской словесности при Московском университете Владимир Иванович Шенрок обратился с письменной просьбой к сыну Марко Вовчок Богдану Афанасьевичу Марковичу «передать Марье Александровне... желание предложить ее в действительные члены Общества любителей российской словесности, для чего требовалось бы ее письменное согласие».

Переписка по этому вопросу, по-видимому, не сохранилась. Но из письма матери к сыну, посланного из Александровского 2 июня 1899 года, известно, что перед тем, как дать Шенроку ответ на его предложение, писательница пожелала ознакомиться с уставом общества. «Присланного для передачи мне Шенроком «Устава» не получила, а между тем без «Устава» не могу ему ответить... Покорнейше прошу об этом ему сообщить, сказав, что в глушь, где я нахожусь, почта не особенно скачет, и «Устав» еще до меня не дошел».

Прошло несколько месяцев с тех пор. Медлительность в решении этого вопроса следует, очевидно, объяснить именно тем, что писательница жила далеко от Москвы, в глуши

ставропольских степей. Надо полагать, что она все же получила ожидаемый «Устав» и после ознакомления с ним дала положительный ответ. 26 января 1900 года на очередном заседании Общества Марко Вовчок была избрана его почетным членом. С радостью сообщая об этом Богдану Марковичу, Шенрок в письме просит последнего не отказать ему в извещении о том, куда и как направить официальное уведомление Вашей матушке о состоявшемся избрании.

Это официальное уведомление, вероятно, где-то затерялось, ибо в архиве Марко Вовчок, находящемся в Пушкинском доме Академии Наук СССР (Ленинград), его нет. Но достоверность фактов, изложенных в письмах В. И. Шенрока, не подлежит никакому сомнению: как член Общества Марко Вовчок упоминается в «Словаре членов Общества любителей российской словесности при Московском университете» (Москва, 1911 г., стр. 183).

В Александровском, как и в первый период пребывания на Северном Кавказе (1878—1885 годы), писательница жила инкогнито. Население знало ее, как «барыню», жену «земского» и только. Лишь очень немногие из жителей села знали ее как старую писательницу. Но это выяснилось много лет спустя...

Кто же эти немногие?

Прежде всего следует назвать ныне здравствующего пенсионера-лесоведа Степана Лаврентьевича Ращенко, живущего в городе Нальчике.

Приехал он в Александровское летом 1902 года 20-летним юношей по приглашению Михаила Демьяновича. Знал он супругов Лобач-Жученко в период их жизни на Киевщине (Богуслав, Хохитва) во второй половине восьмидесятых — начале девяностых годов. Знал он тогда «красивую добрую барыню», снабжавшую его, подростка, книгами из своей прекрасной библиотеки.

И вот теперь он опять рядом с семьей, о которой с большой теплотой рассказывает в своих воспоминаниях, опубликованных в № 7 альманаха

«Кабарда» за 1955 год. «За свою долгую жизнь,— говорит он,— я встречал много хороших, дружных семей, но такой семьи, как семья Лобач-Жученко, не встречал никогда. Взаимное уважение, постоянная забота друг о друге, душевная доброта, доброжелательное отношение к людям — вот что определяло нравственный облик этой прекрасной семьи».

Работая письмоводителем в канцелярии Михаила Демьяновича, он имел возможность почти ежедневно наблюдать за бытовой стороной их жизни (квартира находилась в одном доме с канцелярией) и именно теперь понял, что Мария Александровна писательница.

«В эти годы,— вспоминает он,— Мария Александровна очень много работала: правила рукописи, что-то писала, но что именно — сказать не могу. По нескольким переписанным мною по ее просьбе страницам рукописей думаю, что она работала над повестью «Гайдамаки».

Старожил села

Александровского К. М. Тесля, работавший в 1904—1905 годах 13—14-летним мальчиком, помощником письмоводителя в названной канцелярии, рассказал автору этих строк: «Мария Александровна что-то подолгу писала в своем кабинете. Однажды она пригласила меня в квартиру и сказала: «Костя, у тебя, дружок, хороший почерк, напиши, пожалуйста, вот здесь адрес». С этими словами она подала мне сверток. На лицевой его стороне я и вывел старательно продиктованный ею адрес. После этого я еще не раз писал на бандеролях этот адрес. Помню, что в нем каждый раз упоминались слова «Киевская старина».

Интересные бытовые подробности жизни супругов Лобач-Жученко сохранила в своей памяти жительница села Анна Ефимовна Колыванова. Взятая в семью земского начальника приходящей горничной Нюра Кулешова (это ее девичья фамилия) провела возле Марии Александровны около четырех лет.

«Большая любительница природы,

хозяйка моя много времени отдавала уходу за садом и цветами. За всю свою долгую жизнь я никогда не видела такого разнообразия цветов, какое было в саду, во дворе и в палисаднике дома, в котором жили супруги. Вообще хозяйка была мастерица на все руки: прекрасно вышивала, вязала кружева, штопала и ни минуты не сидела без дела. Когда она работала в своей комнате, к ней никто не имел права входить, кроме Пинча, большой породистой собаки, которую она привезла из Саратова. Жила она очень замкнуто и почти нигде не бывала, но к себе часто приглашала женщин-крестьянок, в их числе и мою мать, и подолгу беседовала с ними. Когда по большим праздникам приходил с визитом отставной генерал Шалашин, она оставляла его с Михаилом Демьяновичем, а сама, запершись у себя в комнате, сердито говорила вполголоса — «прихвостень», и это повторялось при каждом его приходе».

Войдя в доверие к «старой барыне», Нюра не раз помогала ей связываться с «волчками». Так называли на Ставрополье административно высланных социал-демократов, которые должны были переходить из села в село с ночевками в арестных домах и нигде не задерживаться более трех-четырёх дней. Узнав от мужа о прибытии «волчка», Мария Александровна готовила ему ванну, смену белья, угощала обедом и подолгу разговаривала с ним с глазу на глаз у себя в комнате. Такие посещения устраивались систематически, и каждый раз приходили все новые люди.

Марию Александровну до глубины души возмущала всякая несправедливость. У нас в селе особенно тяжело жилось переселенцам, пришлым людям, которых называли иногородними. Земельного надела они не получали, а занимались разными ремеслами, пасли скот или батрачили у богатеев. И эти бедняки, отдавая в школу детей, должны были вносить плату за обучение, тогда как дети старожилов учились бесплатно. Я слышала однажды за обедом, как Мария Александровна возмущенно

говорила Михаилу Демьяновичу: «Что же это такое! Почему дети бедняков должны платить за обучение? Когда же будет справедливость?»

В воспоминаниях А. Е. Кольвановой, записанных автором этих строк, есть весьма интересный эпизод: «Барыня очень часто, иногда много дней подряд, запершись в своей комнате, все что-то писала, писала... Я несколько раз спрашивала ее:

— Барыня, что это вы все пишете и пишете?

— Так нужно, Нюра, — обычно отвечала она, приветливо улыбаясь.

Однажды она подозвала меня к себе, сидя около стола в своем любимом кресле, и, подав небольшую книжку, сказала:

— Нюра, дарю вам на память книжку, обязательно прочтите ее.

Я стала тут же перелистывать ее и к великому своему изумлению увидела на портрете, помещенном в начале книжки, свою хозяйку, молодую, с удивительными чертами милого лица.

— Это вы, барыня? — воскликнула я. — Вы писательница?

— Да, милая, писательница, — ответила она.

— А почему здесь напечатано «Марко Вовчок»?

— Так нужно...

Вскоре я прочла все рассказы в подаренной книжке и, помню, горько плакала над судьбою несчастных женщин и девушек из народа».

Воспоминания людей, близко знавших писательницу, и найденные за последние 10—15 лет новые материалы неопровержимо свидетельствуют о том, что Марко Вовчок на склоне своих лет, именно здесь, в Александровском, создавала новые произведения в духе ее революционно-демократических убеждений. Об этом, в частности, свидетельствует ее рассказ «Встреча», впервые опубликованный в январском номере журнала «Русская мысль» за 1906 год. В рассказе описан один из волнующих эпизодов, который писательнице пришлось наблюдать после

подавления польского восстания 1863 года. Рассказ был политически актуальным и появился в печати очень своевременно: в нем разоблачался самодержавный строй не только в прошлом, но и в условиях первой революции в России.

Однако в Александровском и во всей Ставропольской губернии, кроме учителя К. Я. Калинина, заведующего александровским двухклассным училищем, и упомянутых выше старожилов, никто не знал, что суровая госпожа Лобач — не просто «старая барыня», жена «земского», а знаменитая писательница, чье имя известно в России чуть ли не каждому грамотному человеку. У Михаила Демьяновича установились хорошие, деловые отношения с либеральным губернатором Никифораки, старым знакомым по Новороссийску, где жили супруги в 1882 году, и многочисленные доносы черносотенцев об устройстве библиотек и народных воскресных чтений, душою которых была Мария Александровна, не отражались на его службе.

Ничто не мешало ей теперь жить своей внутренней жизнью. Пожалуй, никогда за последние 20 лет ее так не захватывали политические события внутри страны, никогда так не волновал ее чуткую душу произвол, царящий во всех сферах русской жизни.

Ее письма к сыновьям заполняются нетерпеливыми запросами, на которые она требует немедленных, и по возможности, исчерпывающих ответов.

«Как смотрят добрые петербургские люди на постоянные убийства? — гневно спрашивает она сына Богдана в письме от 4 октября 1905 года. — Правда ли, что всеми силами на это направляют? Чего от убийств ожидают?.. Что выиграно? Правда ли, что можно ожидать большого проигрыша?»

Русско-японскую войну она называла чудовищем, которое прольет море крови и унесет сотни тысяч жизней. Особенно тяжело переживала она трагедию Цусимы. С дрожью в голосе

говорила: «Слишком тяжело сознавать гибель такой массы ни в чем не повинных людей, посланных на явную смерть».

Как только появился в печати призыв общественности о пожертвовании книг и журналов для армии, она немедленно собрала в своей библиотеке все пригодные для чтения солдатам книги, в том числе и собственные сочинения, и они были отосланы на Дальний Восток. Не ограничиваясь словами сочувствия, она передала причитавшиеся ей гонорары за издание своих сочинений в фонд помощи семьям воинов, погибших на войне, и борцов, павших на баррикадах революции.

Как уже говорилось, в Александровском для Марии Александровны с первых дней ее жизни здесь создались благоприятные условия для творческой деятельности.

Чувствуя прилив творческих сил, она берется за просмотр старых рукописей, создает новые произведения.

Летом 1902 года Марко Вовчок совершила поездку в Киев с целью установления давно прерванных литературных связей.

Перед этим она письменно связалась со знакомыми богуславскими крестьянами, и они приехали в Киев на свидание с нею. Писательница посетила редакцию журнала «Киевская старина», познакомилась с его редактором В. П. Науменко и передала для опубликования сказку «Чертова пригода» («Чертова напасть»).

Об этой сказке очень тепло отозвался в своей статье о Марко Вовчок Иван Франко, который высоко ставил ее заслуги перед украинской литературой: «Это произведение,— отмечал он,— написанное хорошим языком, хоть и не так поэтично ярко, как прежние рассказы, отличается, однако, умной украинской выдумкой и юмором и может служить убедительным доводом в определении значения ее украинского творчества».

Писательница обещала редакции «Киевской старины» выслать новые свои сказки и рассказы для опубликования.

«Вторую сказку вышло, как только переписется, что в глухом углу, где я живу, сопряжено с немалыми затруднениями (речь идет, видимо, о сказке «Как Хапко солоду наелся»,— Г. П.) — За нею последует «Разбишака» и «Чужина». Работа идет чрезвычайно медленно, потому что приходится доставать из-под спуда,— то не отыскивается конца, то начала, то середины, к тому же не все мои «шпаргалки» у меня под руками, приходится ожидать благоприятного случая для доставки — после одной пропажи боюсь почты. А тут еще мешают и другая срочная работа...» (письмо от 9 февраля 1903 г.).

Обещанные произведения писательница так и не прислала. Неизвестны, и их рукописи: очевидно, они погибли.

Весьма вероятно, что причиной невысылки этих произведений были периодически повторявшиеся длительные приступы сердечной болезни, и к ним прибавилась болезнь глаз, одно время заставившая ее диктовать мужу свои письма.

«Пишу Вам со слов Марко Вовчок, — сообщает в письме В. П. Науменко Михаил Демьянович.— Все это время Марко Вовчок страдает болезнью глаз, и доктор предписал абсолютное спокойствие и прекращение всяких занятий. Поэтому она не имела возможности не только заняться пересмотром своих работ, но даже не могла ответить на Ваши два письма».

В дальнейшем она писала и правила рукописи только карандашом. Ломаный угловатый почерк выдает напряжение, скованных подагрой, пальцев.

Сказка «Чертова пригода» под названием «Чертова напасть» была позднее опубликована в московском журнале «Народное благо».

В письме к редактору журнала В. Е. Ермилову Марко Вовчок пишет: «Рассказ, то есть оригинал, действительно был отпечатан в «Киевской старине» с посвящением Т. Г. Шевченко и с заметкой редакции (с моего, конечно,

согласия) вкратце такого содержания: «Т. Г. Шевченко завещал автору сказки «Чертова напасть» заняться обработкой народных сказок. Помещаемая сказка — одна из написанных по завещанию поэта».

Несмотря на нездоровье, писала она много. Работала она, запершись в своей комнате, помногу дней подряд, выходя только к обеду и ужину или в теплую погоду прогуляться по саду. «Писала она настолько много и подолгу,— вспоминает А. Е. Кольванова,— что у нее немела правая рука, и она просила меня делать ей своеобразный массаж — шлепать линейкой по руке»...

Вот тогда-то из-под ее пера вышли новые произведения: уже упомянутая сказка «Чертова пригода», рассказ «Хитрый Хаимка», трогательная сказка-быль «Воришка», которая была опубликована в журнале «Детское чтение».

Писательница по-прежнему принимает меры предосторожности для сохранения «инкогнито». Она просит старшего сына, чтобы ее имя не появлялось в печати под посланными в петербургские газеты корреспонденциями: «Мне выгодно, когда думают, что я «остепенилась»... является больше возможностей проводить в жизнь, что хочу».

В Александровское Марко Вовчок привезла свою прекрасную библиотеку, созданную в 60-70 годах. Книги хранились, по свидетельству С. Л. Ращенко и А. Е. Коливановой, в пяти шкафах. Но особенную ценность для нее представлял большой деревянный сундук, в котором, несомненно, находились письма старых друзей и рукописи неоконченных произведений — самое для нее дорогое.

В 1905 году Мария Александровна и Михаил Демьянович уезжали в Пятигорск, где писательнице принимала серные ванны. Дом и хозяйство остались на попечении Ращенко.

Михаил Демьянович перед отъездом пригласил его в комнату и в

присутствии жены, указывая на сундук, сказал, что в случае пожара необходимо во что бы то ни стало спасти его, даже если бы остальное имущество погибло.

Письма Марко Вовчок к сыну Богдану в Петербург, где он в то время сотрудничал в газете «Биржевые ведомости», свидетельствуют о том, что, живя в глухом провинциальном уголке, в «Александровской яме», как она выражалась, она занималась не только пересмотром своих старых рукописей, созданием новых произведений и негласной общественной деятельностью, но и переводами. Она настоятельно просит сына помочь ей в опубликовании ее переводных произведений. «Согласна, что теперь самое время издавать Ж. Верна»,— пишет она ему в конце 1905 года. В конце 1906 года она опять пытается через него найти издателя ее переводов и сообщает: «Я желала бы отдать свой перевод книги Эркмана-Шатриана «История крестьянина» в пользу голодающих вообще, будь то сироты городских убитых, близкие заключенных или деревенские люди... С такую же охотою я отдам любой из моих переводов или рассказов».

Ее письма к сыновьям полны нетерпеливых вопросов, на которые она требует немедленных и, по возможности, исчерпывающих ответов. Вопросы касаются политической, общественной и литературной жизни. Со своей стороны, она дает ядовитые памфлетные характеристики царских сатрапов и продажных борзописцев, сообщает о настроениях в деревне, передает разговоры крестьян, далеко не лестные для правительства, возмущается легкомысленным поведением нового ставропольского губернатора Вельяминова, проводящего большую часть времени на охоте, бесцеремонностью почты, где, не стесняясь, перлюстрируют письма.

Внук писательницы Борис Борисович Лобач-Жученко, военный инженер морской авиации в отставке, чьи воспоминания о посещении бабушки летом 1903 года помещены в начале этой статьи, в течение десяти последних лет

работает над изучением эпистолярного наследия Марко Вовчок. На основании писем, хранящихся в его семейном архиве, в Пушкинском доме Академии Наук СССР и в Институте литературы Академии наук УССР, он успешно закончил работу над «Летописью жизни и творчества Марко Вовчок», отдельные части которой уже опубликованы в киевском журнале «Радянське літературознавство». В журнале «Вопросы литературы» (№ 7 за 1963 год) помещена его публикация «Марко Вовчок о своих современниках» (из неопубликованных писем). В ней автор сообщает, что сохранились косвенные указания о работе писательницы над мемуарами. Так, в сентябре 1387 года в письме к Н. Г. Чернышевскому в Астрахань Мария Александровна сообщает: «Если Вы пожелаете привести что из моих воспоминаний в печати, то, прошу Вас, не выставляйте моего имени».

М. Д. Лобач-Жученко в письме к жене от 1 ноября 1895 года из Петербурга в Саратов, где они в то время жили) передает содержание своего разговора с Н. А. Белозерской. «О, не сомневаюсь,— воскликнула она, — ее записки (Марко Вовчок,— Г, П.) будут очень интересны, столько людей она знала...»

Младший сын писательницы, Борис, в своих письмах к родителям тоже советует матери подготовить к печати свои воспоминания. «...А знаешь, что я тебе посоветую, напиши «мемуары матери», опиши то тяжелое время, когда забрали Богдана,— пишет он в Александровское в апреле 1905 года,— этим и общественную пользу принесешь, и снова соединишься с теперешним обществом... Это можно устроить, например, в «Былое». И затем, в том же году, в письме от 9 ноября: «Взять хотя бы «Воспоминания». Излишне и говорить, какую цену для общества они имеют и как бы они были теперь встречены».

В письмах можно найти немало ярких оценок людей, с которыми ей приходилось встречаться, — Шевченко, Добролюбова, Герцена, Боткина и других.

Сохранилось, например, очень интересное письмо к старшему сыну с подробным рассказом о семейной драме Герцена и характеристика Н. А. Тучковой-Огаревой.

После смерти Никифораки оставаться Михаилу Демьяновичу в должности земского начальника уже не имело смысла. Общественная деятельность, которой Мария Александровна незаметно для окружающих занималась в Александровском, вызывает новые доносы на мужа. Они живут в среде вечных сплетен, подсиживаний, скандалов и не чают, как бы выбраться поскорее «из александровской ямы».

Все это и «секретные» предписания нового губернатора о борьбе с аграрным движением, развернувшимся в уезде, выполнять которые Михаил Демьянович не имел нравственных сил, послужили поводом к выходу в отставку. Это было в ноябре 1905 года.

К тому времени решился вопрос о переезде. Находясь на лечении в Пятигорске, супруги много слышали о чудесной природе и целительном климате Нальчика, расположенного у подножия лесистых гор, с видом на величественную гряду Главного Кавказского хребта. А когда Мария Александровна узнала, что там постоянно живет ее старая подруга Ю. П. Ешевская и съездила навестить ее, она убедилась, что лучшего места не найти. Решено было на сбережения и деньги, полученные от продажи дома в Александровском, в котором супруги жили в 1904 — 1906 годах, купить участок земли в Долинске, находящемся в 3-х верстах от Нальчика, и выстроить там дом.

В конце марта 1906 года, провожаемые толпой крестьян, Мария Александровна с мужем покидают Александровское.

В Долинске, ставшем последним жизненным пристанищем Марко Вовчок, писательница несмотря на часто повторявшиеся приступы тяжелой сердечной болезни, продолжала свой творческий подвиг, работая над повестью

«Гайдамаки», оказавшейся ее последним, недосказанным, словом.

Г. Поздняков.